



www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.2>

UDC 94(47).084.3
LBC 63.3(2)

Submitted: 01.03.2019
Accepted: 04.07.2019

**THE COSSACKS IN THE PERIOD OF COLONIZATION AND FORMATION
OF THE SARATOV VOLGA REGION ADMINISTRATIVE STRUCTURE
IN THE LATE 17th – EARLY 18th CENTURIES**

Ivan N. Pleshakov

Russian Society of Historians-Archivists, Saratov, Russian Federation

Ekaterina N. Vasilieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The work investigated the Cossacks during the period of colonization and the formation of the Saratov Volga region administrative structure in the late 17th – early 18th c. The paper presents the analysis of the Cossacks and its influence on the military organization of life in the region during this period. The relevance of studying the processes of colonization in the Volga region in the late 17th – early 18th centuries is growing, since these issues are not fully analyzed in the scientific literature. *Methods and materials.* Methods: the principles of historicism and objectivity, analysis, synthesis, the historical-genetic method, the system approach. Materials: abstracts of I.A. Biryukov, S.B. Veselovskiy, A.A. Geraklitov, N.B. Golikova, A.L. Kleymant, E.N. Kusheva, S.A. Mezin, I.N. Pleshakov, I.O. Tyumentsev and others. *Analysis.* In this article, the authors qualify positive and negative factors that changed the place of the Cossacks in the process of colonization and forming the Saratov Volga region administrative structure (the lands that entered Saratov province in the late 18th century are understood). During this period, the oldest Cossack communities of Russia were formed: the Don, Yaitsky, Terek Hosts. The authors consider the reasons that became an obstacle for the Cossacks and did not allow creating the same community on the Volga. *Results.* This paper reviews the history of city Cossack teams in Saratov, Dmitrievsk, Tsaritsyn, Cherny Yar and other settlements. The authors note that when evaluating the practices of the interaction between the Cossacks and the administrative center of the state, it is necessary to take into account the historical period. The authors present a methodological scheme for analysing the factors of colonization and formation of the Saratov Volga region administrative structure and take into account changes in identifying the Cossacks (voluntary and serving).

Key words: Cossacks, administrative structure, Saratov, Volga region, garrisons, colonization.

Citation. Pleshakov I.N., Vasilieva E.N. The Cossacks in the Period of Colonization and Formation of the Saratov Volga Region Administrative Structure in the Late 17th – Early 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 20-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.2>

© Пleshakov И.Н., Васильева Е.Н., 2019

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 01.03.2019
Дата принятия статьи: 04.07.2019

**КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА**

Иван Николаевич Плешаков

Российское общество историков-архивистов, г. Саратов, Российская Федерация

Екатерина Николаевна Васильева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена проблеме исследования казачества в период колонизации и административного устройства территории Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII века. Показано воздействие казачества на военную организацию жизни региона в рассматриваемый период. Актуальность исследования процессов, происходивших в Поволжье во второй половине XVII – первой половине XVIII в., подтверждается тем, что рассмотренные в данной работе вопросы не до конца осмыслены в научной литературе. Методы проведенного исследования: принципы историзма и объективности, анализ, синтез, историко-генетический метод, системный подход. В работе использованы результаты исследований И.А. Бирюкова, С.Б. Веселовского, А.А. Гераклитова, Н.Б. Голиковой, А.Л. Клейтмана, А.В. Курышева, С.А. Мезина, И.Н. Плешакова, И.О. Тюменцева и других. В данной статье авторы излагают позитивные и негативные факторы, изменившие место казачества в процессе колонизации и административного устройства Саратовского Поволжья [под ним понимаются земли, вошедшие в конце XVIII в. в пределы Саратовского наместничества (губернии)]. В рассматриваемый период происходило складывание старейших казачьих общин России: Донского, Яицкого, Терского войск. Рассматриваются причины, не позволившие казакам создать такую же общину на Волге. Исследована история городских казачьих команд, существовавших в Саратове, Дмитриевске, Царицыне, Черном Яре и других селениях. Авторы отмечают необходимость оценки практик взаимодействия казаков с административным центром государства с учетом разных исторических процессов. Представляется методологическая схема анализа факторов колонизации и административного устройства территории Саратовского Поволжья с учетом изменения идентификации казачества (от вольного к служилому). *Вклад авторов:* И.Н. Плешаковым проанализирована историография о процессе колонизации и административного устройства Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII века. Е.Н. Васильевой рассмотрено социальное пространство Саратовского Поволжья в период колонизации, охарактеризовано казачество в указанный период.

Ключевые слова: казачество, административная структура, Саратов, Поволжье, гарнизоны, колонизация.

Цитирование. Плешаков И. Н., Васильева Е. Н. Казачество в период колонизации и становления административного устройства Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 20–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.2>

Введение. Исследование казачества в период колонизации и формирования административного устройства Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII в. носит дискуссионный характер, в том числе и из-за ограниченного круга источников [20]. Это вызвано несколькими причинами. Первая – в неоднозначности самоидентификации казачества в данный период, что позволяет рассматривать его как отдельную группу, которая либо подчинялась Москве, либо становилась источником военных конфликтов. Вторая причина тесно переплетена с первой – неоднородный статус казачества (служилого и вольного) позволяет по-разному трактовать формы взаимодействия регулярных военных частей и казачества. И, наконец, третья причина – невозможность рассматривать казачество только в разрезе взаимодействия с центром страны, так как земли, вошедшие в конце XVIII в. в пределы Саратовского наместничества (губернии), в данный период находились в уникальном положении – с одной стороны, присоединенные территории, безусловно, являлись частью Российской империи,

с другой – новообетенные пространства не имели четких и *контролируемых* границ, а население их составляли исторически и религиозно чуждые друг другу племена.

Плюрализм в оценке места казачества в процессе колонизации и формирования административного устройства Саратовского Поволжья учитывает как позитивные, так и негативные факторы, влиявшие на самоопределение жителей региона. Это позволяет рассмотреть некоторые формы взаимодействия и последствия решений, принятых разными сторонами, определить факторы, повлиявшие на самоидентификацию казачества, а также административные решения, способствующие трансформации полномочий служилого казачества в регионе. Фактически в рассматриваемый период речь шла об установлении контроля над Волгой – важным торговым путем и едва ли не единственной «дорогой», безопасность на которой Русское государство могло обеспечить. В этом процессе казаки играли как негативную, так и позитивную роль. Новизна работы в том, что авторами выявляются факторы включения казаков в единую

систему обеспечения безопасности региона: охрану жителей от набегов кочевников, борьбу с разбоями и помощь местным властям. Таким образом, расширяется поле для дальнейших исследований внутренней службы казачества в XVII–XVIII вв., ранее мало интересовавшее историков.

Методы и материалы. Исторические факты, наблюдаемые на территории Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII в., являются источниками объективации историко-познавательного процесса. Учитывая многообразие внутренних и внешних факторов, повлиявших на процесс колонизации Саратовского Поволжья, используем принцип историзма, рассмотрим развитие и изменение самоидентификации казачества в исследуемый период, проанализируем групповую динамику, определим конкретные экономические и военные интересы, лежащие в основе взаимодействия разных групп населения, проживающего в исследуемый период на территории Саратовского Поволжья. Для этого используем историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, историко-системный методы исследования, а также дадим оценку исследуемым событиям.

Данное исследование ориентировано на сопоставление отдельных факторов и эпизодов колонизации и формирования административного устройства Саратовского Поволжья, выявление места казачества в исследуемых процессах, а также определение фундаментальных основ «матрицы» российской истории, поиску ответов на вопрос: как зарождалась русская государственность на берегах Волги? Среди источников, использованных в данной работе, необходимо выделить протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Используемые научные работы написаны с привлечением широкого круга документов из центральных и региональных архивов.

Анализ. Вопрос о задачах русских властей в Нижнем Поволжье XVI–XVII вв. носит дискуссионный характер. Ф.Ф. Чекалин считал, что Саратов и Царицын были основаны в качестве «передовых укреплений или форпостов, выставленных, главным образом, противу нагайских татар, кочевавших в Заволжье» [52, с. 45]. Об экономических интересах

писал Л.М. Тверской: «Немалое влияние на выбор места для первых городов Поволжья оказало стремление уменьшить расстояние между теми пунктами по Волжскому пути, где суда могли бы останавливаться, запастись продовольствием и пополнять состав своих служилых людей» [46, с. 53]. Его мнение разделял А.А. Герасимов, обращая внимание на углубление экономических интересов, что связано с необходимостью освоения нетронутых природных богатств края [7, с. 7–8; 9]. В новейшей историографии обращает на себя внимание концепция американского исследователя М. Ходарковского, рассматривающего экспансию России на Юго-Восток как реакцию на постоянную угрозу. В ходе этой борьбы Россия сама «превратилась в общество, заточенное на войну» [51, с. 316].

Структурирование государственных интересов происходило длительное время [50], в XVII в. территория Саратовского Поволжья все еще представляла собой пространство, почти полностью лишенное оседлого населения. Заволжье находилось целиком во власти сначала ногайцев – потомков золотоордынцев, а с начала XVII в. пришедших из глубин Азии калмыков. На рубеже XVI–XVII вв. основанным в 1590 г. Саратову и 1889 г. Царицыну приходилось отстаивать право на существование в борьбе с голодом, болезнями, набегам кочевников и понизовой вольницы. Попытки казачьей вольницы сделать Волгу «казачьей» рекой с первых же десятилетий существования региона как части Русского государства встретили упорное сопротивление со стороны московских властей. К началу XVIII столетия «битву за Волгу» казаки проиграли, более того, контроль центральных властей над «переволоками», соединявшими через притоки Волги и Каспий Дон, Яик и Терек, позволявшими казачьим общинам поддерживать постоянную коммуникация и взаимодействие, привел к обособлению самих общин и, таким образом, косвенно повлиял на складывание самобытных традиций старейших казачьих войск Юга России. История же казаков на Волге отныне целиком и полностью зависела от воли российских государей.

В 1627 г. в 150 верстах ниже Царицына был основан острог Черный Яр (на современном месте с 1634 г.) [1, с. 140; 13, с. 92–93].

С учреждением в 1667 г. на р. Камышинке острога Черный Яр (с 1692 г. Дмитриевская крепость) правительство усилило свой контроль над важной водной артерией и Волго-Донской переволокой, часто использовавшейся воровскими казаками [8, с. 269; 39, с. 62; 44, с. 209]. Я.Я. Стрейс, в 1669 г. по пути вниз по Волге посетивший Саратов, Царицын и Черный Яр, отмечал, что их население состояло исключительно из служилых людей [45, с. 190–192]. Путешествовавший по Волге А. Олеарий писал о Саратове, что там живут «одни лишь стрельцы, находящиеся под управлением воеводы и полковника». В 1683 г. ряды служилых людей пополнились приверженцами «старой» веры, а в 1699–1700 гг. – стрельцами, посланными после попытки восстания против государя Петра Алексеевича [14, с. 379; 19, с. 205; 36, с. 275–279].

Численность крепостных гарнизонов Нижнего Поволжья была относительно невелика. Так, по данным на 1632 г. в Саратове находилось 428 служилых людей, в числе которых 100 являлись «годовальщиками», то есть присланными для несения службы в течение года. 83 посадских жителя фактически занимались обслуживанием повседневных нужд гарнизона [41]. В 1663 г. в Царицыне находилось 513 служилых чина. Немного больше – 526, состояло в Саратове. Гарнизон Черного Яра в это же время насчитывал всего 259 человек [4, с. 43; 5; 11]. Этого количества едва хватало для сопровождения казенных судов и купеческих караванов, но было совершенно недостаточно для обеспечения безопасности русских и инородческих поселений, активно появившихся в регионе с конца XVI столетия. Секретарь шведского посольства Э. Кемпфер, проезжавший по Волге в 1683 г., описывал свой путь от Самары до Астрахани как путешествие по вражеской территории. Местные гарнизоны вели непрерывную борьбу на два фронта против казаков и перекочевавших в Нижнее Поволжье в начале XVII в. калмыков, совершавших постоянные набеги на торговые караваны и приволжские селения [15, с. 315–318]. В 1692–1697 гг. в Дмитриевске был поселен специально сформированный солдатский полк, в состав которого была включена тысяча семей из Казанского края [2, с. 179; 44, с. 110].

До начала XVIII в. единственными пограничными заслонами на пути вторжения кочевников продолжали оставаться засечные черты. Именно такими «перекатными линиями» Россия продвигала свои границы на юг и восток «в тщетной погоне за спокойствием» [48, с. 9]. Северные районы края уже вошли в ареал русской военной колонизации. В 1698 г. на засечной черте был основан Петровск. К указанному периоду, как отмечал А.А. Яковлев, укрепленная линия уже «не средство наступления на юг, а тормоз в этом наступлении. Народная колонизация делала свое вековое дело почти без помощи правительственных средств» [53, с. 287]. В эту эпоху «рост защитных линий не поспевает за ростом колонизации, а только закрепляет ее этапы», – писала Е.П. Подъяпольская [34, с. 10]. В Саратовском крае эта колонизационная волна «оказалась настолько могучей, что в течение немногих десятилетий... дикое поле покрылось густой сетью русских и инородческих селений» [7, с. 10], что способствовало формированию особой культуры, общности языка [12].

В период правления Петра I Саратовский край привлекает особое внимание правительства. В 1695 г. регион посетил государь, проследовавший по Волге вместе с военным отрядом в первый Азовский поход [26]. В этот период Саратов продолжал оставаться заурядным военным пунктом с небольшим гарнизоном. «Жители там все русские и почти все солдаты», – писал посетивший город в 1703 г. К. де Брюин [2, с. 177]. По данным на 1704 г., здесь числилось 400 пеших и 200 конных стрельцов, 17 пушкарей, 44 служащих дворян и иноземцев: всего – 661 человек. Почти половина военных чинов – 300 чел., находились в «Свейском походе» [29, с. 11]. Когда в 1705 г. правительство изыскивало резервы для подавления Астраханского восстания, выяснилось, что в крепости недостаточно людей и оружия. Тогда же для участия в боевых действиях против мятежников в Царицын из Саратова прибыли двести ратных людей [27, с. 185; 42, с. 149; 43, с. 7, 69, 151]. Спустя два года гарнизоны этих городов столкнулись с отрядами восставших булавиновцев [33, с. 52, 86, 89; 42, с. 227, 252; 43, с. 82–83].

По нашему мнению, одним из следствий жестокого разгрома донских казаков во вре-

мя подавления Булавинского бунта явились оставившие след в народной памяти ногайский набег 1711 г. и «кубанский погром» 1717 г., едва не перечеркнувшие русские колонизационные усилия в регионе [49, с. 129]. Они заставили власть вспомнить проект закрытия от вторжения ногайцев волго-донского междуречья, разрабатывавшийся еще с 1682 г. И. Бакуниным, а с 1694 г. Б.И. Куракиным – в будущем известным сподвижником Петра Великого, выдающимся дипломатом и историком. В основе идеи строительства укрепленной линии лежал богатый отечественный опыт сооружения засечных черт. По мнению Н.Н. Петрухинцева, созданные в первой трети XVIII в. линии представляли собой «как бы новые черты, шагнувшие еще дальше в Дикое поле» [31, с. 128]. Стоит отметить, что калмыки в рассматриваемый период являлись серьезной силой, органически вошедшей в систему безопасности региона. Давняя и непримиримая вражда калмыков с ногайцами Поволжья и Северного Кавказа, а также соприкасавшимися с калмыками в Заволжье киргиз-кайсаками (казахами) позволяла российской администрации использовать их в качестве противовеса непокорным соседям, а в случае необходимости привлекать калмыков к подавлению внутренних беспорядков, как это было, например, во время Булавинского бунта [47, с. 6–19]. Тогда же калмыки впервые были востребованы для участия в боевых действиях русской армии далеко от ареала своего проживания. Это активно практиковалось и в дальнейшем, когда калмыки были включены в состав Донского казачьего войска.

После кубанского погрома количество военных сил в районе Царицына значительно возросло. Уже в конце 1717 г. здесь были размещены драгунские полки бригадира (позднее генерал-майора) Г.С. Кропотова. С 1718 г. между Пензой и Саратовом стояли два драгунских полка [30, с. 36]. С начала 1720-х гг. в донских городках в непосредственной близости от Саратовской и Царицынской округи по рекам Хопер, Бузулук, Медведица, Иловля и Дон находились три сменявшихся драгунских полка Украинского корпуса [35, с. 159]. Одновременно под руководством Г.С. Кропотова в рекордно короткие сроки в течение 1718–1722 гг. здесь было осуществлено сооруже-

ние Царицынской укрепленной линии. Для своего времени она стала одним из крупнейших фортификационных сооружений в Европе, протянувшись от Волги к Дону на расстояние порядка 63 километров. Линия состояла из глубокого рва и земляного вала высотой до 12 метров, на гребне которого был сооружен деревянный частокол. На линии располагались 3 «крепостцы», редут и 23 форпоста [6, с. 35, 38]. Для службы на ней в 1722 г. половина солдат Дмитриевского полка была и переименована в казаков, которым предписывалось «чинить разъезды» [23, с. 92–96; 24; 39, с. 100–110; 44, с. 209–210]. В 1727 г. здесь находились несколько сотен военнослужащих Псковского, Сибирского и Азовского драгунских полков. В том же году Верховный тайный совет приказал «маршировать в Царицынской линии» Нижегородскому драгунскому полку, «где оному и слободы строить». В 1728 г. правительство постановило «учредить и поставить у Царицына корпус из регулярных войск в шести или в семи тысячах состоящий и к тому присовокупить донских казаков две тысячи» [37, с. 231].

В 1720-е гг. по проекту Петра I были возведены и новые укрепления Царицына. Согласно составленной им в 1724 г. «Записке о фортециях», город относился к тем укрепленным пунктам, где должны были находиться малые цитадели, в которых «довольно по одному канониру к пушке и на год амуниции» [17, с. 393–395]. 20-е гг. XVIII столетия привлекают к себе особое внимание в связи с еще одним немаловажным фактом, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемой теме. В 1719 г. астраханский губернатор А.П. Волынский доложил Сенату, что во вверенном ему регионе «надобно иметь несколько полков и полевых пехотных, также конных ...И притом человек тысячу и нерегулярных» [18; 31, с. 15]. Откликаясь на пожелание Волынского 18 января (здесь и далее все даты приводятся по старому стилю) 1720 г. Петр I предписал постоянно иметь в Астраханской губернии 4 пехотных гарнизонных полка, получивших названия Смоленского, Козловского, Селиванова и Терского. Позднее к ним прибавился еще один драгунский полк [17, с. 393–395]. В начале 1730-х гг. выведенный из Персии Низовой корпус был расщеплен по

южному пограничью России. Половина из 12 полков корпуса была переведена на Волгу. Два полка разместили на дистанции от Астрахани до Царицына. Еще два расположили выше Царицына, и два полка заступили на охрану Царицынской линии [31, с. 206–207; 32, с. 46–50].

По решению Военной коллегии с 1752 г. Царицынскую укрепленную линию охраняли 600 (зимой – 400) донских казаков, составлявших так называемую «шестисотную команду». Помимо службы на форпостах, они содержали кордоны вниз по Волге до крепости Черный Яр и привлекались к «почтовой гоньбе». Командировки на линию были для них весьма тяжелы, так как на эту службу попадали преимущественно малоимущие казаки [32, с. 20]. Путешествовавший по Волге ученый С.Г. Гмелин писал: «Если хочешь бедную тварь в свете себе представить, то должно на память привести донского казака, на линии стоящего» [10, с. 47–48].

Для защиты приволжских селений от набегов кубанцев по распоряжению Петра I в 1717 г. к Царицыну были посланы 1 200 малороссийских казаков во главе с генеральным хорунжим И. Сулимою. Они приняли участие в строительстве укрепленной линии, а в 1721 г. казак Я. Жидков предложил царю заселить украинцами прилегающие к ней земли. Вскоре он основал слободу Дубовка и несколько лет вызывал желающих к поселению. Это стало первым шагом к появлению на Волге постоянных казачьих поселений [25, с. 313; 40, с. 21]. Помимо малороссиян в колонизации района приняли участие и донские казаки. В августе 1731 г. по всем их городкам был оглашен сенатский указ о наборе тысячи семей для заселения пустующих земель «от Царицына вверх по Волге». Переселенцы основали три станицы. Управление войска разместилось в Дубовке. В 1732 г. в новое войско, получившее название Волжского, назначили атамана и прислали войсковые регалии. В 1733 г. в него включили 1 057 семей донских казаков, а в следующем 1734 г. войску была дана грамота, в соответствии с которой всем записавшимся в его состав предписывалось служить «при Саратове и в Астрахани, также и в других местах, кроме Царицынской линии, где по Волге нужда востребует,

...и писаться им по службе волгскими казаками» [44, с. 211–212]. В 1730–60-х гг. отряды, командировавшиеся из состава войска, находились при действующей армии, занимали форпосты от Дмитриевска до Черного Яра, охраняли соляные промыслы на озере Эльтон, осуществляли почтовую гоньбу, придавались в помощь межевым и таможенным чиновникам, командировались в соседние регионы для истребления разбойников [21, с. 58–59]. Новое войско достойно зарекомендовало себя, и уже в 1738 г. казакам «за верные их службы» были пожалованы 2 медные двухфунтовые, 18 чугунных пушек (эти орудия сохранились до середины 70-х гг., когда были захвачены пугачевцами, на обеих медных пушках помещалась надпись о том, что их пожаловали 10 июля 1738 г. атаману «зимовой станицы» Волгского войска Михаилу Дикому и есаулу Садомскому «с станишниками»), а в 1762 г. 14 знамен с надписью «никого не устрашаюсь». Первый атаман войска М.Н. Персидский не раз получал «монаршие награды». Депутатам посылавшейся от войска в столицу «зимовой станицы», особенно в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, щедро жаловались дорогие подарки. Еще в конце XIX в. в храме Антиповской станицы хранился серебряный ковш, подаренный императрицей Екатериной II атаману «зимовой станицы» Никифору Кашееву 28 октября 1764 года. Дорогие сабли, пожалованные императрицей Елизаветой казакам О.И. Щербакову, И.В. Кузнецову и сыну атамана Ф.М. Персидскому, хранятся ныне в Государственном историческом музее в Москве и Музее им. А.В. Суворова в г. Кобрин (Белоруссия) [19, с. 173; 28, с. 118].

Французский путешественник А. де Кюстин остроумно назвал казаков «укрощенной ордой», но применительно к волжским, астраханским казакам и городовым казачьим командам на Волге это определение категорически не подходит. В отличие от старых казачьих общин на Днепре, Дону, Яике (Урале) и Тереке, казаки на Волге в XVIII в. являлись, в полном смысле слова, «государевыми людьми».

Как отмечал А.В. Курышев, «в социальной стратификации казачьих обществ XVIII в. Волжское войско занимало промежуточную позицию между полковым казачеством и ис-

торически сложившимися казачьими войсками» [21, с. 228]. История войска явилась одной из первых, после неудавшейся с Аграханским, попыток создать «искусственное» казачье войско, имевшее все атрибуты традиционных старинных казачьих общин, но целиком включенное в военно-административную систему России. Когда надобность в нем отпала, имперские власти почти безболезненно упразднили войско и переселили почти всех казаков на Кавказ. Полученный на Волге опыт в дальнейшем был использован при создании новых казачьих войск в Сибири и Дальнем Востоке.

Таким образом, в период правления Петра Великого и в первые годы после его смерти ряд правительственных мероприятий превратил южную часть Саратовского Поволжья в своеобразный укрепленный район, снабженный достаточным числом регулярных и иррегулярных войск. Как нам представляется, реальные последствия и значение усилий, предпринятых в первой трети XVIII в., до сих пор не вполне оценены в отечественной и зарубежной историографии. По сути, в этот период были заложены предпосылки для широкомасштабной колонизации обширного региона с относительно мягким климатом, гигантским массивом целинных плодородных земель и большими природными ресурсами. Важность окончательного приобретения Нижнего Поволжья тем более очевидна, что результаты начатой в те же годы борьбы за Причерноморье дали свои плоды лишь через несколько десятилетий.

Особое место среди воинских формирований Нижнего Поволжья занимают городские казачьи команды – наследники ружников и конных стрельцов XVII века. Уже к концу следующего столетия о происхождении городских казаков сохранялись лишь предания. В ответ на запрос астраханского коменданта Н.А. Бекетова царицынский комендант полковник И.Е. Цыплетев сообщал: «Из давних лет по городу Царицыну имелись конные стрельцы, а ныне именуемые конные казаки, и с которого именно году и по какому указу или по штату оные определены, о том, по имеющимся в царицынской канцелярии письменным делам, известия не имеется», – писал в 1773 г. в затребованной астраханским губернатором

Н.А. Бекетовым ведомости царицынский комендант полковник И.Е. Цыплетев [3]. В течение первой половины XVIII столетия за конными стрельцами нижеволжских гарнизонов закрепилось название казаков. В команды принимались вольные люди всех сословий. За службу им полагалось хлебное, фуражное и денежное жалованье «из кабацких сборов», земельные угодья и рыбные ловли [1, с. 7–8; 16, с. 95]. Правда, далеко не всегда это делалось исправно и вовремя. Так, в 1727 г. недавно назначенный астраханский губернатор И.А. фон Менгден докладывал в Военную коллегию, что во вверенном ему регионе городские казаки уже третий год не получают жалованья «и объявляют, что пришли во всеконечную скудость, ибо лошадей, ружье и амуницию имеют собственную, и ныне лошадыми опали, а купить не на что». При этом Менгден указывал, что, несмотря на квартирование в его губернии пяти регулярных полков, без этих казаков «быть не возможно» [35, с. 649–650].

В пределах рассматриваемой в работе территории городские команды, помимо Саратова, существовали в Дмитриевске, Царицыне и Черном Яре. Согласно докладу Военной коллегии в Сенат от 28 февраля 1725 г., численность казаков в Саратове составляла 151 человек. В Царицыне и Черном Яре служили по 101 казаку, а в Дмитриевске всего 51. В то время как количество казаков в Саратове к 1727 г. было увеличено на 50 чел., в остальных городах их число не изменилось. Уже в эти годы правительство стало прибегать к изъятию из рядов городских казаков сверхкомплектных служилых чинов. Лучшие из них пополняли армейские полки, прочие определялись в гарнизоны [35, с. 649]. В Саратовской команде в 1760 г. состояло 193 чел., однако налицо имелось лишь 47 казаков, 10 числились больными, а остальные были поровну разделены между Низовой соляной конторой и чиновниками, состоявшими «при калмыцких делах» [38]. Кроме местной службы при «калмыцких» и «соляных» делах, казаки использовались в боевых мероприятиях русской армии далеко за границами края. Так, в течение XVIII столетия саратовские, дмитриевские и царицынские «конные солдаты» командировались в Гилян, участвовали в Северной и Се-

милетней войне. Свою службу они начинали с 17–18 лет и продолжали ее до тех пор, пока это позволяло состояние здоровья. После получения отставки многие из них приписывались в другие сословия [32, с. 36–40].

Задолго до объединения казачьих общин на Нижней Волге в рамках Астраханского казачьего войска именно городские казачьи команды старинных городов-крепостей несли основную тяжесть кордонной службы. Лишь в отдельные периоды к ним в помощь командировались казаки других войск. Так, в середине XVIII в. оренбургские казаки несли службу на р. Иргизе в Саратовском Заволжье, при Саратовской конторе опекунов в 1760–1770-е гг. находилась команда донских казаков, а в конце столетия кордон в Заволжье некоторое время содержали уральские казаки. Они же осуществляли патрулирование на Волге в целях борьбы с разбоями.

Благодаря своей мобильности и постоянной готовности к выступлению в поход казаки удачно вписывались в местную систему безопасности. Помимо чисто военных мероприятий их активно привлекали к сопровождению грузов, конвоированию, почтовой гоньбе.

В первой половине XVIII в. происходит постепенное превращение Саратова из военно-административного пункта в важный экономический центр Поволжья. Большое значение имела торговля с кочевавшими в левобережье калмыками, благодаря которой, по замечанию исследователей, Саратов стал своеобразной «калмыцкой столицей» [22, с. 2–59]. В этом статусе город утвердился едва ли не официально с назначением на должность воеводы состоявшего с 1715 г. при хане Аюке стольника Д.Е. Бахметьева. Функции воеводы и надсмотрщика над калмыками совмещал и преемник Бахметьева подполковник В.П. Беклемишев. В 1727 г. Верховный тайный совет обсуждал вопрос о «приискании к калмыцким делам другого человека из штаб-офицеров, которому быть первым, а Беклемишеву вторым» [35, с. 5, 9, 26, 87, 103–104]. В их распоряжении в Саратове находилось два эскадрона драгун и 200 казаков, «а пушек полковых ни одной не было» [29, с. 12]. С 1727 г. при ставке хана постоянно присутствовало 300 казаков, 100 из которых были саратовцами. Как доносил В.П. Беклемишев, калмыки

вели себя агрессивно, что стало одной из причин последовавшего в том же 1727 г. определения Верховного тайного совета об учреждении кордонов вдоль Волги на дистанции от Царицына и вверх по реке выше Саратова. С этого времени «по нагорной стороне каждое лето стояло на форпостах по 900 человек казаков, в том числе 300 из волских городов, 300 из донских и 300 из слободских полков на особливом жалованье» [35, с. 522–523]. В 1727 г. командующий Украинским корпусом генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын предложил членам Верховного тайного совета «в лутчую оборону и предупреждение и калмыкам в страх» назначить Астраханскому гарнизонному драгунскому полку «всегда состоять при Саратове». Здесь он, по мнению военачальника, «может на обе стороны быть потребен, и содержание его равно, как и в Астрахани, а в конских довольствах при Саратове будет в довольстве, нежели в Астрахани» [35, с. 523].

Результаты. В течение всего рассматриваемого периода развитие казачества оказывало определяющее значение на социально-экономическую жизнь и административное устройство региона. Казаки, решая собственные задачи, продвигались все дальше от центра государства, однако, когда к середине XVIII в. основные задачи по закреплению за Российской империей Нижнего Поволжья были выполнены, казачество прошло период жесткой трансформации.

В Саратовском Поволжье казаки были представлены наследниками служилых людей – городскими командами, казаками Волжского казачьего войска и командировавшимися в помощь местной администрации и военным властям казаками из Малороссии, с Дона, Яика (Урала). В 1771 г. из-за утраты необходимости в пребывании в районе Царицына и волжских казаков началось их переселение на Кавказ. В 1777 г. войско было ликвидировано. Волжские казаки, таким образом, явились важным резервом для усиления казачьей общины на Кавказе.

Во время Пугачевского бунта, впервые с XVII в., Нижнее Поволжье оказалось под угрозой масштабной смуты. К внутренним беспорядкам добавилась внешняя опасность. Давно беспокоившие приволжских жителей

киргиз-кайсаки (казахи) обрушились на несколько иностранных колоний, захватив большое число пленных. Многие колонисты были убиты, а сами селения разорены. После очередного крупного набега в конце 1780-х гг. власти обратились к традиционной форме обороны территорий, создав в далеком Заволжье линию кордонов с центром в основном в 1787 г. городе Узень. Для службы на линии были привлечены находившиеся в Саратове, Камышине, Царицыне, Дубовке и других селениях казачьи команды. Спустя десять лет Узенская крепость была упразднена, а казаки (с 1817 г. – Астраханского казачьего войска) несли свою службу в Заволжье [32, с. 94].

Сложившаяся в Саратовском Поволжье к 1770-м гг. система обеспечения безопасности оставалась практически неизменной до начала XIX века. Дальнейшие преобразования в ней произошли во время масштабных реформ в русской армии, связанных с участием России в наполеоновских войнах. Таким образом, в XVIII в. роль казаков в процессе колонизации и административного устройства Саратовского Поволжья неуклонно снижалась вслед за расширением границ Российского государства. В этих условиях казаки включались в обеспечение безопасности региона как служащие городских казачьих команд и командированные в регион из состава других войск казачьи формирования. В Саратовском Поволжье имперская администрация нашла удачную формулу использования боевого потенциала казачества для выполнения стоявших перед государством задач колонизации, административного устройства, охраны внутреннего порядка и защиты населения региона от внешних угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, И. А. История Астраханского казачьего войска. В 3 т. Ч. 1 : Составные части войска ; Учреждение его ; Органы войскового управления ; Различные войсковые установления и учреждения ; Подчинение войска ; Войсковые и наказные атаманы / И. А. Бирюков. – Саратов : Астрахан. казачье войско, 1911. – 727 с.
2. Бруин, К. де. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина / Корнилий де Бруин ; пер. и предисл. П. П. Барсова, провер. по гол. подлиннику О. М. Бодянским. – М. : Университет. тип. (Катков и К^о), 1873. – XIX, 293 с.
3. Ведомость о составе Царицынской казачьей команды. 1773 г. // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 440. – Л. 23.
4. Веселовский, С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. / С. Б. Веселовский. – М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1911. – 59 с.
5. Водарский, Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. / Я. Е. Водарский // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. – М. : Наука, 1966. – С. 271–290.
6. Волгоград. Четыре века истории / В. И. Томарев [и др.]. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 411 с.
7. Гераклитов, А. А. Саратов. Краткий исторический очерк / А. А. Гераклитов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Саратов : Изд-во В. З. Яксанова, 1923. – 35 с.
8. Гераклитов, А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. / А. А. Гераклитов. – Саратов : Друкер, 1923. – 381 с.
9. Гераклитов, А. А. Материалы для истории Саратовского Поволжья / А. А. Гераклитов. – Саратов : Тип. Союза печ. дела, 1912. – 26 с.
10. Гмелин, С. Г. Самуила Готлиба Гмелина Медицины доктора, Императорской Академии Наук, Королевского Лондонского, Голландского Гарлемского и вольного экономического Санктпетербургского общества Члена. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе / С. Г. Гмелин. – СПб. : При Имп. Акад. наук, [1771–1785]. – Ч. 3. Половина первая. – 1785. – 336 с.
11. Голикова, Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. / Н. Б. Голикова. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 216 с.
12. Горбань, О. А. Черновой текст как основа реконструкции речемыслительной деятельности (на материале региональных документов XVIII в.) / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 40–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.
13. Городские поселения в Российской империи. В 7 т. Т. 1. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. – xvi, 465 с.
14. Добротворский, И. М. Исторические сведения об Иргизских старообрядческих монастырях, до обращения к единоверию / И. М. Добротворский // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. – 1857. – Кн. II. – С. 376–481.

15. Дубман, Э. Л. Записки Э. Кемпфера о путешествии по Волге от Казани до Астрахани / Э. Л. Дубман, С. И. Дубинин // Краеведческие записки. – 1996. – Вып. VIII, посвящ. 110-летию музея. – С. 311–322.
16. Ершов, Л. Исторические и статистические сведения об Астраханском казачьем войске / Л. Ершов // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань : Астрахан. губ. тип., 1869. – Вып. I. – С. 57–100.
17. Записка Петра Великого о фортециях 6-го декабря 1724 года / сообщ. М. Д. Хмыров // Русская старина. – 1870. – № 1. – С. 393–395.
18. Казакова, Е. В. Вольнский А. П. (1689–1740) / Е. В. Казакова // Астраханские губернаторы. – Астрахань : Астрахан. ГОИАМЗ, 1997. – 132 с.
19. Казачьи войска (Хроники гвардейских казачьих частей помещены в книге «Императорской гвардии») / сост. В. Х. Казин ; под ред. В. К. Шенка. – СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1912. – 465 с.
20. Клейтман, А. Л. Летописание Нижнего Поволжья XVIII–XIX вв. как социокультурное явление / А. Л. Клейтман, И. О. Тюменцев // *Quaestio Rossica*. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 1063–1077.
21. Курышев, А. В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки / А. В. Курышев. – Волгоград : Издатель, 2011. – 352 с.
22. Кушева, Е. Н. Саратов в третьей четверти XVIII в. / Е. Н. Кушева // Тр. Ниж.-Волж. науч. о-ва краеведения. – 1928. – Т. 35, вып. 2. – 82 с.
23. Лавринова, Т. И. Русско-калмыцкие отношения в начале XVIII в. и Царицынская линия / Т. И. Лавринова // История России: на перекрестке мнений : материалы I межвуз. чтений, посвящ. памяти акад. Б.С. Абалихина, г. Волгоград, 15–16 мая 1995 г. – Волгоград : Перемена, 1997. – С. 92–96.
24. Лавринова, Т. И. Царицынская линия : История строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лавринова Татьяна Ивановна. – Воронеж, 1990. – 199 с.
25. Летописное повествование о Малой России // Чтение в Императорском историческом обществе древностей российских. – 1847. – № 9. – С. 235–356.
26. Малинкин, Е. М. Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Малинкин Евгений Михайлович. – Самара, 2013. – 251 с.
27. Малов, А. В. Царицынские службы и царицынские служилые люди в расходных книгах Казенного двора. 124-й (1615/16)–130-й (1621/22) годы / А. В. Малов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 2. – С. 184–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.3>.
28. Мартынов, А. Кобринский музей имени А.В. Суворова / А. Мартынов // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 6. – С. 116–119.
29. Мезин, С. А. Новые материалы о Саратовском петровского времени / С. А. Мезин // Краеведческие чтения : докл. и сообщения 4–6 чтений / под общ. ред. Е. К. Максимова. – Саратов : Изд-во СГУ, 1994. – С. 11–12.
30. Минх, А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия / А. Н. Минх ; под ред. И. О. Тюменцева. – Волгоград : Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 568 с.
31. Петрухинцев, Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. / Н. Н. Петрухинцев. – СПб. : Алетей, 2001. – 349 с.
32. Плешаков, И. Н. Военские части и учреждения в российской провинции во второй половине XVIII – начале XIX века: по материалам Саратовского Поволжья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Плешаков Иван Николаевич. – Саратов, 2009. – 196 с.
33. Подъяпольская, Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709 гг. / Е. П. Подъяпольская. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 52–89.
34. Подъяпольская, Е. П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда / Е. П. Подъяпольская // Известия краеведческого института. – 1927. – Т. 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books/379.pdf> (дата обращения : 10.04.2019). – Загл. с экрана.
35. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730. Т. III (январь – июнь 1727 г.) / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1888. – xxxviii, 876, [4] с. – (Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО) ; Т. 63).
36. Рабинович, М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. / М. Д. Рабинович // Исторические записки. – 1956. – Вып. 58. – С. 275–279.
37. Разумовская, В. Описание истории калмыцкого народа / В. Разумовская // Красный архив. – 1939. – № 3 (94). – С. 201–231.
38. Рапорт саратовского коменданта Т. Юнгера астраханскому обер-коменданту генерал-майору К. фон Розенбергу о состоянии Саратовской казачьей команды. 9 февраля 1760 г. // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 2244. – Л. 8 об.
39. Рябов, С. И. Петр I в Царицыне и на Среднем Дону / С. И. Рябов, Г. П. Самойлов, В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 1994. – 174 с.

REFERENCES

40. Сергеев, А. В. Ранние украинские поселения в Нижнем Поволжье / А. В. Сергеев // Ученые записки Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского. Вып. Географический. – 1959. – Т. 72. – С. 21–30.

41. Смирнов, П. П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года / П. П. Смирнов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – 1916. – Вып. 33. – С. ii–xi.

42. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 8 : История России с древнейших времен. Т. 15–16 / С. М. Соловьев ; отв. ред.: Н. А. Иванов. – М. : Голос : Колокол-Пресс, 1997. – 686 с.

43. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века : сб. док. / подгот. Н. Б. Голикова. – М. : Древлехранилище, 2004. – 444 с.

44. Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 11. Ч. 3. Военная повинность казачьих войск. Исторический очерк / гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон ; сост. А. И. Никольский и Н. А. Чернощев. – СПб. : Тип. Поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольф, 1907. – 697 с.

45. Стрейс, Я. Я. Трипутешествия / Я. Я. Стрейс. – М. : Соцэжгиз, 1935. – 415 с.

46. Тверской, Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов / Л. М. Тверской. – Л. ; М. : Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. – 216 с.

47. Тепкеев, В. Т. Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания / В. Т. Тепкеев // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3 (53). – С. 6–19.

48. Терентьев, М. А. Россия и Англия в Средней Азии / М. А. Терентьев. – СПб. : Тип. Меркульева, 1875. – 354 с.

49. Трефилов, Е. Н. Особенности казачьего монархизма конца XVII – начала XVIII в. / Е. Н. Трефилов // Российская история. – 2009. – № 6. – С. 125–140.

50. Тюменцев, И. О. Смута в понизовых городах в 1604–1614 годах / И. О. Тюменцев // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 11–22.

51. Ходарковский, М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / М. Ходарковский. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 352 с.

52. Чекалин, Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен и до конца XVII века / Ф. Ф. Чекалин. – Саратов : Паровая скоропечатня Губ. правления, 1892. – 79 с.

53. Яковлев, А. А. Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства / А. А. Яковлев. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. – ix, 321 с.

1. Biryukov I.A. *Istoriya Astrakhanskogo kazachyego voyska. V 3 t. Ch. 1: Sostavnye chasti voyska; Uchrezhdenie ego; Organy voyskovogo upravleniya; Razlichnye voyskovye ustanovleniya i uchrezhdeniya; Podchinenie voyska; Voyskovye i nakaznye atamany* [History of Astrakhan Cossack Host. In 3 Volumes. Part 1: Components of the Host; The Establishment of It; Host Management Bodies; Various Military Establishments and Institutions; Submission of the Host; Host and Appointed Atamans]. Saratov, Astrakhanskoe kazachye voysko Publ., 1911. 727 p.

2. Bruin K. de. *Puteshestvie cherez Moskoviyu Korniliya de Bruina* [Journey Through Muscovy of Cornelius de Bruin]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko Publ.), 1873, xix, 293 p.

3. Vedomost o sostave Tsaritsynskoy kazachyey komandy. 1773 g. [Statement of the Composition of the Tsaritsyn Cossack Team. 1773]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [State Archive of Astrakhan Region], F. 394, Op. 1, D. 440, L. 23.

4. Veselovskiy S.B. *Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg.* [Estimates of Military Forces of the Moscow State in 1661–1663]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1911. 59 p.

5. Vodarskiy, Ya.E. Chislennost i razmeshchenie posadskogo naseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XVII v. [The Number and Location of the Urban Population in Russia in the Late 17th c.]. *Goroda feodalnoy Rossii* [Cities of Feudal Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1966. pp. 271–290.

6. Tomarev V.I., Abalikhin B.S., Orlova L.S., Levin A.A., Orlov V.G. *Volgograd. Chetyre veka istorii* [Volgograd. Four Centuries of History]. Volgograd, Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatelstvo, 1989. 411 p.

7. Geraklitov A.A. *Saratov. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Saratov. A Brief Historical Essay]. Saratov, Izd-vo V.Z. Yaksanova, 1923. 35 p.

8. Geraklitov A.A. *Istoriya Saratovskogo kraya v XVI–XVIII vv* [The History of the Saratov Region in the 16th – 18th c.]. Saratov, Izd-vo Drukar, 1923. 381 p.

9. Geraklitov A.A. *Materialy dlya istorii Saratovskogo Povolzhya* [Materials for the History of the Saratov Volga Region]. Saratov, Tipografiya Soyuza pechatnogo dela, 1912. 26 p.

10. Gmelin S.G. *Samuila Gotliba Gmelina Meditsiny doktora, Imperatorskoy Akademii Nauk, Korolevskogo Londonskogo, Gollandskogo Garlemskogo i volnogo ekonomicheskogo Sanktpeterburgskogo obshchestva Chlena,*

Puteshestvie po Rossii dlya issledovaniya vsehkh trekh tsarstv v prirode [Journey Through Russia of Samuel Gottlieb Gmelin, Medicine Doctor, Member of Imperial Academy of Sciences, Royal London, Dutch Harlem and Free Economic Saint Petersburg Society, to Explore All Three Kingdoms in Nature]. Saint Petersburg, Izhdviniem Imperatorskoy AN, [1777–1785], part 3, 1st half, 1785. 336 p.

11. Golikova N.B. *Ocherki po istorii gorodov Rossii kontsa XVII nachala XVIII v.* [Essays on the History of Russian Cities of the Late 17th – Early 18th c.]. Moscow, Izd-vo MGU, 1982. 216 p.

12. Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M. Chernovoy tekst kak osnova rekonstruktsii rechemyslitelnoy deyatel'nosti (na materiale regionalnykh dokumentov XVIII v.) [Draft Text as a Basis for Reconstructing Mental and Speech Activity (Exemplified with Regional Documents of the 18th c.)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 40–54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.

13. *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy Imperii: V 7 t. T. I* [Urban Settlements in the Russian Empire. In 7 Volumes. Volume 1]. Saint Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», 1860, xvi, 465 p.

14. Dobrotvorskiy I.M., Dubinin S.I. Istoricheskie svedeniya ob Irgizskikh staroobryadcheskikh monastyryakh, do obrashcheniya k edinoveriyu [Historical Information About the Irgiz Old Believer Monasteries Before Turning to Common Faith]. *Pravoslavnyy sobesednik, izdavaemyy pri Kazanskoj dukhovnoy akademii*, 1857, book 2, pp. 376–481.

15. Dubman E.L. Zapiski E. Kempfera o puteshestvii po Volge ot Kazani do Astrakhani [Notes by E. Kempfer on a Trip Along the Volga from Kazan to Astrakhan]. *Kraevedcheskie zapiski*, 1996, iss. 8, pp. 311–322.

16. Ershov L. Istoricheskie i statisticheskie svedeniya ob Astrakhanskom kazachyem voyske [Historical and Statistical Information About the Astrakhan Cossack Host]. *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistical Committee]. Astrakhan, Astrakhanskaya gubernskaya tipografiya, 1869, iss.1, pp. 57–100.

17. Khmyrov M.D. Zapiska Petra Velikogo o fortetsiyakh 6-go dekabrya 1724 goda. [Note by Peter the Great on Fortresses of December 6, 1724]. *Russkaya starina*, 1870, no. 1, pp. 393–395.

18. Kazakova E.V. Volynskiy A.P. (1689–1740) [Volynskiy A.P. (1689–1740)]. *Astrakhanskije gubernatory* [Astrakhan Governors]. Astrakhan, Astrakhanskiy GOIAMZ, 1997. 132 p.

19. Kazin V.Kh., Shenk V.K., eds. *Kazachyi voyska (Khroniki gvardeyskikh kazachyikh chastey pomeshcheny v knige «Imperatorskoy gvardii»)* [Cossack Hosts (Chronicles of Cossack Guard Units are in “Imperial Guard” Book)]. Saint Petersburg, Tipografiya V.D. Smirnova, 1912. 465 p.

20. Kleytman A.L., Tyumentsev I.O. Letopisanie Nizhnego Povolzhya XVIII–XIX vv. kak sotsiokulturnoe yavlenie [Chronicles of the Lower Volga Region of the 18th – 19th c. as a Sociocultural Phenomenon]. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 1063–1077.

21. Kuryshev A.V. *Volzhscoe kazachye voysko (1730–1804): sozdanie, razvitie i preobrazovanie v lineynnye kazachyi polka* [Volga Cossack Host (1730–1804). Creation, Development and Transformation into Linear Cossack Regiments]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 352 p.

22. Kusheva E.N. Saratov v tretyey chetverti XVIII v [Saratov in the Third Quarter of the 18th c.]. *Trudy Nizhne-Volzhsckogo nauchnogo obshchestva kraevedeniya*, 1928, vol. 35, iss. 2. 82 p.

23. Lavrinova T.I. Russko-kalmytskie otnosheniya v nachale XVIII v. i Tsaritsynskaya liniya [Russian-Kalmyk Relations in the Early 18th c. and Tsaritsyn Line]. *Istoriya Rossii: na perekrestke mneniy. Materialy I mezhvuzovskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati akademika B.S. Abalikhina* [History of Russia. At the Crossroads of Opinions. Materials of the 1st Interuniversity Readings Dedicated to the Memory of Academician B.S. Abalikhin]. Volgograd, Peremena Publ., 1997, pp. 92–96.

24. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaya liniya: Istoriya stroitelstva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushchestvovaniya: dis. ... kand. ist. nauk* [Tsaritsyn Line. History of Construction in 1718–1720 and the First Years of Existence. Cand. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1990. 199 p.

25. Letopisnoe povestvovanie o Maloy Rossii [Chronicle Narrative of Little Russia]. *Chtenie v Imperatorskom istoricheskom obshchestve drevnostey rossiyskikh*, 1847, no. 9, pp. 235–356.

26. Malinkin E.M. *Vooruzhennyye sily yugovostochnoy chasti Evropeyskoy Rossii v XVII – nachale XVIII vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Armed Forces of the South-Eastern Part of European Russia in the 17th – Early 18th c. Cand. hist. sci. diss.]. Samara, 2013. 251 p.

27. Malov A.V. Tsaritsynskie sluzhby i tsaritsynskie sluzhilye lyudi v rashodnykh knigakh Kazennogo dvora. 124-y (1615/16) – 130-y (1621/22) gody [Service at the Fortress of Tsaritsyn and Tsaritsyn Service People in the Account Books of the Treasury Court. 1615/16–1621/22)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 184-202. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.3>.

28. Martynov A. Kobrinskiy muzey imeni A.V. Suvorova [Kobrin Museum Named After A.V. Suvorov]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 1969, no. 6, pp. 116-119.

29. Mezin S.A. Novye materialy o Saratove petrovskogo vremeni [New Materials About Saratov of Peter's Time]. Maksimov E.K., ed. *Kraevedcheskie chteniya: doklady i soobshheniya 4-6 chteniy* [Local Lore Readings. Reports and Papers of 4-6 Readings]. Saratov, Izd-vo SGU, 1994, pp. 11-12.

30. Minkh A.N. *Istoriko-geograficheskiy slovar Saratovskoy gubernii: Yuzhnye uezdy Tsaritsynskiy i Kamyshinskiy. Sovremennaya versiya* [Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province. Tsaritsyn and Kamyshin Southern Uezds. Modern Version]. Volgograd, Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2010. 568 p.

31. Petrukhintsev N.N. *Tsarstvovanie Anny Ioannovny. Formirovaniye vnutripoliticheskogo kursa i sudby armii i flota 1730-1735 g.* [The Reign of Anna Ioannovna: Formation of the Domestic Political Course and the Fate of the Army and Navy of 1730-1735]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 349 p.

32. Pleshakov I.N. *Voinskiye chastiy i uchrezhdeniya v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XVIII - nachale XIX veka: po materialam Saratovskogo Povolzhya: dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02* [Military Units and Institutions in the Russian Province in the Late 18th - Early 19th Century. Based on the Materials of the Saratov Volga Region. Cand. hist. sci. diss. 07.00.02]. Saratov, 2009. 196 p.

33. Podyapolskaya E.P. *Vosstanie Bulavina. 1707-1709 gg.* [Uprising of Bulavin. 1707-1709]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 52-89.

34. Podyapolskaya E.P. O pomestnom zemlevladienii i kolonizatsii v rayone Atkarskogo uyezda [On the Local Land Tenure and Colonization in the Atkarsky District]. *Izvestiya kraevedcheskogo instituta*, 1927, vol. 2. URL: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books/379.pdf> (accessed 10 April 2019).

35. Dubrovina N.F., ed. *Protokoly, zhurnaly i ukazy Verkhovnogo taynogo soveta. 1726-1730. T. III (yanvar-iyun 1727 g.)* [Protocols, Journals and Decrees of the Supreme Privy Council. 1726-1730. Volume 3 (January-June 1727)]. Saint Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1888, xxxviii, 876 p. (Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva, T. 63 [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 63]).

36. Rabinovich M.D. Streltsy v pervoy chetverti XVIII v. [Streltsy in the First Quarter of the 18th c.]. *Istoricheskie zapiski*, 1956, iss. 58, pp. 275-279.

37. Razumovskaya V. Opisanie istorii kalmytskogo naroda [Description of the History of the

Kalmyk People]. *Krasnyy arkhiv*, 1939, no. 3 (94), p. 201-231.

38. Raport saratovskogo komendanta T. Yungera astrakhanskomu ober-komendantu general-mayoru K. fon Rozenbergu o sostoyanii Saratovskoy kazachyey komandy. 9 fevralya 1760 g. [Report of Saratov Commandant T. Jünger to Astrakhan Chief Commandant Major General K. von Rosenberg on the State of Saratov Cossack Team. February 9, 1760]. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti* [State Archive of Astrakhan Region], F. 394, Op. 1, D. 2244, L. 8 ob.

39. Ryabov S.I., Samoylov G.P., Suprun V.I. *Petr I v Tsaritsyne i na Srednem Donu* [Peter I in Tsaritsyn and the Middle Don]. Volgograd, Peremena Publ., 1994. 174 p.

40. Sergeev A.V. Rannie ukrainskie poseleniya v Nizhnem Povolzhye [Early Ukrainian Settlements in the Lower Volga Region]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosuniversiteta imeni N.G. Chernyshevskogo. Vypusk Geograficheskiy*, 1959, vol. 72, pp. 21-30.

41. Smirnov P.P. Okladnaya rospis pyatiny po gorodu Saratovu 1634 goda [Salary Record of Pyatina in the City of Saratov in 1634]. *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1916, iss. 33, pp. ii-xi.

42. Solovyev S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. 8: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. 15-16* [Works. In 18 Books. Book 8. History of Russia from Ancient Times. Vol. 15-16]. Moscow, Golos Publ., Kolokol-Press Publ., 1997. 686 p.

43. Golikova N.B., ed. *Sotsialnye dvizheniya v gorodakh Nizhnego Povolzhya v nachale XVIII veka: sb. dok.* [Social Movements in the Cities of the Lower Volga Region in the Early 18th Century]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 444 p.

44. Skalon D.A., Nikol'skiy A.I., Chernoshchekov N.A., eds. *Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. 11. Ch. 3. Voinskaya povinnost kazachyikh voysk. Istoricheskiy ocherk* [Centenary of the Ministry of War. 1802-1902. Vol. 11. Part 3. Military Service of the Cossack Hosts. Historical Essay]. Saint Petersburg, Tipografiya Postavshchikov Dvora Ego Imperatorskogo Velichestva Tovarishchestva M.O. Volf, 1907. 697 p.

45. Streys Ya.Ya. *Tri puteshestviya* [Three Travels]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1935. 415 p.

46. Tverskoy L.M. *Russkoe gradostroitelstvo do kontsa XVII veka. Planirovka i zastroyka russkikh gorodov* [Russian Town Planning Until the End of the 17th Century. Planning and Development of Russian Cities]. Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo literatury po stroitelstvu i arkhitekture, 1953. 216 p.

47. Tepkeev V.T. Uchastie kalmykov v podavlenii Bulavinskogo vosstaniya [Participation of the Kalmyks in Suppressing the Bulavin Uprising].

Novyy istoricheskiy vestnik [The New Historical Bulletin], 2017, no. 3 (53), pp. 6-19.

48. Terentyev M.A. *Rossiya i Angliya v Sredney Azii* [Russia and England in Central Asia]. Saint Petersburg, Tipografiya Merkulyeva, 1875. 354 p.

49. Trefilov E.N. Osobennosti kazachyego monarkhizma kontsa XVII – nachala XVIII v. [Features of the Cossack Monarchism of the Late 17th – Early 18th c.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 6, pp. 125-140.

50. Tyumentsev I.O. Smuta v ponizovykh gorodakh v 1604–1614 godakh [The Time of Troubles in the Lower Cities in 1604–1614]. *Rossiyskaya istoriya*, 2012, no. 5, pp. 11-22.

51. Khodarkovskiy M. *Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas kolonialnaya imperiya. 1500–1800*

[Steppe Borders of Russia. How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 352 p.

52. Chekalin F.F. *Saratovskoe Povolzhye s drevneyshikh vremen i do kontsa XVII veka. Tekst* [Saratov Volga Region from Ancient Times to the End of the 17th Century]. Saratov, Parovaya skoropechatnaya Gubernatora pravleniya, 1892. 79 p.

53. Yakovlev A.A. *Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII veke: Ocherk iz istorii oborony yuzhnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Defense Line of the Moscow State in the 17th Century. Essay from the History of the Moscow State Southern Border Defense]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1916, ix. 321 p.

Information about the Authors

Ivan N. Pleshakov, Candidate of Sciences (History), Russian Society of Historians and Archivists, Moskovskaya St., 72, Bld. 1, 410042 Saratov, Russian Federation, 1pin1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8090-9297>

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Director of the Institute of History, International Relations and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Информация об авторах

Иван Николаевич Плешаков, кандидат исторических наук, Российское общество историков-архивистов, ул. Московская, 72, стр. 1, 410042 г. Саратов, Российская Федерация, 1pin1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8090-9297>

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, директор института истории, международных отношений и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>